

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА

Проводится анализ специфики символического подхода в процессе исследования культурного ландшафта города. Автор рассматривает ряд концепций, сформировавшихся в западной исследовательской традиции, которые обращаются к изучению культурного ландшафта как системы символов. Приводится классификация культурных ландшафтов К. Норберг-Шульца, выделявшего в качестве основного критерия символическое противостояние неба и земли в рамках ландшафта. В заключении автор рассматривает ряд недостатков символического подхода, которые возникают при его использовании в процессе исследования культурного ландшафта. Во-первых, акцентируя внимание на специфическом, отличительном аспекте ландшафта исследователь рискует пренебречь «обычными» ландшафтам. Во-вторых, представители семиотической традиции часто упускают из вида значение опыта в процессе трактовки культурного ландшафта. В-третьих, в рамках символического подхода большое значение придается связи смысла и идеологии. Автор полагает, что не менее перспективным в исследования культурного ландшафта города может являться феноменологический подход, позволяющий избежать подобных проблем.

Ключевые слова:

городская архитектура, культурный ландшафт, семиотика, символ, символизм.

Кисиленко А.П. Особенности символического подхода в исследовании культурного ландшафта города // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 42–46.

© Кисиленко Альбина Павловна – соискатель, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород; e-mail: kokettka3@rambler.ru

Символические аспекты культурного ландшафта и процессы, посредством которых индивиды создают символы окружающей среды, до сих пор не исследованы в полной мере. Большинство ранних работ в области гуманитарной географии основываются на предположении, что символы окружающей среды заданы нам, что они статичны и не подвержены изменениям. Подобные исследования обычно описывают символические формы, схему их расположения или то, как в этих символах отражаются конкретные социальные ценности. Реже исследуется взаимосвязь между символами ландшафта и социальными процессами. Основные проблемы, с помощью которых можно расширить границы гуманитарной географии, часто игнорируются.

Широко распространено положение о том, что хранение и передача смысла в символической форме является осно-

вой человеческого существования. История человечества характеризуется через трансформацию природных объектов в продукты культуры, которые, в свою очередь, постоянно совершенствуются и модифицируются. Гибкость этих форм и конкретность смыслов может быть сохранена в данных продуктах культуры, которые дают человеку ряд преимуществ. Культурный ландшафт является одним из наиболее доступных хранилищ, открывающих возможности для анализа подобных процессов трансформации. Символизм окружающей среды является средством, благодаря которому формируется социальная идентичность и воспроизводится реальность. Процесс создания символа, его разработка и модификация является разновидностью социального процесса и не может быть описан и объяснен вне взаимосвязи с другими социальными процессами. Возникает закономерный вопрос

как человеческие потребности и желания символически проявляются в ландшафте? Каким образом они становятся доступны через исследование целей социокультурной системы, а также через факторы, содействующие этим изменениям [4, р. 453]?

Культурный ландшафт, ставший иконой, трансформируется в символический ландшафт. Как таковой он может быть проанализирован различными способами. Во-первых, культурный ландшафт может быть рассмотрен как текст, или как значимый текст, или в качестве незаменимого архива, отражающего специфику общества – его произведения искусства, его народные инновации, идеи, нравы – в конкретный исторический период и в определенном месте. Во-вторых, ландшафт может быть проанализирован в соответствии с той ролью, которую он играет в системе общественных ценностей и процессе реконструкции социальной идентичности определенной группы. Таким образом, описанный ландшафт подчеркивает силу интерпретации и моделирования социального образа и идентичности. В-третьих, можно рассматривать культурный ландшафт и объекты культурного наследия в качестве культурных продуктов, т.е. продуктов потребления, которые, как и любые другие экономические или промышленные продукты, подвергаются доработке и улучшению. Данный подход был представлен в работах Л. Раунтри и М. Конки, которые полагают, что культурно-символические ландшафты и виды не только отражают социальную структуру, но также являются неотъемлемой частью общества. Наконец, процесс формирования символических ландшафтов может быть проанализирован в соответствии со следующими критериями: 1) наследие и память – историческая документация и наблюдение за изменениями состояния ландшафта и объектов культурного наследия под воздействием времени; 2) коммеморация – процесс, который преобразует культурные ландшафты и его виды в символические ландшафты, с привлечением классификации и категоризации ландшафтов посредством выбора тех ценностей и значений, которые должны быть сохранены; 3) репрезентация и моделирование – средства, выбранные для представления памяти и ее значения; 4) цели и функции – назначение культурного ландшафта. Эти четыре компонента занимают важное место в формировании общественной идентичности, выраженной и отраженной в символическом ландшафте [8, р. 459–474].

Определяя значение культурного ландшафта, Д. Дрекслер полагает: «Ландшафт не только комплексная система элементов окружающей среды, таких как воздух, вода, почва и т.д. Ландшафт также и ментальный институт, символ» [3]. Следствием подобного подхода становится то, что воздух, вода и т.д. несут свой символический смысл или контекст. Опираясь на подобное понимание, Д. Дрекслер исследует различия в ландшафтном символизме Франции, Германии и Венгрии.

С. Дэниелс и Д. Косгров утверждают: «Ландшафт является культурным образом окружающего» [2, р. 45]. Необходимо отметить, что для авторов ландшафт как культурный образ является символическим ландшафтом, в то время как «окружающее» используется как заменяющее понятие для несимволических значений ландшафта. С. Дэниелс и Д. Косгров указывают на то, что «в гуманитарной географии интерпретация ландшафта и культуры имеют тенденцию овеществлять ландшафт как объект эмпирического исследования» [2, р. 44].

Один из крупнейших западных теоретиков культуры К. Норберг-Шульц классифицировал ландшафты, выделив четыре фундаментальных типа, в основе которых лежит антитеза «земля – небо»: романтический, космический, классический и комплексный ландшафты. Небо или земля могут доминировать в том или ином ландшафте, однако, взаимодействие между ними может носить также эквивалентный характер. Там, где доминирует небо, превалирует космический порядок, и изменения атмосферных условий являются решающими. Там, где преобладает земля, присутствуют различные архетипические вещи и масштабные вариации.

Романтический ландшафт соответствует качествам северного региона. В северных лесах повсюду встречаются территории, сочетающие в себе разнообразные рельефы. Небо «ограничено» деревьями и скалами, и постоянно изменяется из-за бегущих облаков. Солнце в северных широтах стоит достаточно низко, играя в бликах и тенях. Вода присутствует как вечный динамический элемент, в виде горных потоков, штормов и открытых всем ветрам озер. Трансформации воздуха в виде влажных туманов меняют атмосферу до неузнаваемости. Весь этот мир можно охарактеризовать как непостоянный, непостижимый, полный сюрпризов. Норберг-Шульц прибегает к следующим эпитетам: нематериальный, фрагментарный, деформированный и

44 | полный метаморфоз. «Главный объединяющий принцип (в таком ландшафте – А.К.) скрыт» [7, р. 19]. Северная природа очень эмпатична и подходит, в большей степени, для интимного созерцания, поскольку она асоциальна. Каждый индивид находит свои скрытые, тайные влечения в северной природе. Сущностными свойствами романтического ландшафта, таким образом, являются доминирование земли в ситуации противоборства земли-неба (долины и крутые горы), смена настроения (изменяющаяся погода), микроструктурирование (отношения элементов земли, скал, воды, деревьев / флоры) и распадающиеся формы (множество мест разбивающих ландшафт на части).

Классический ландшафт, включающий итальянские пейзажи, благодаря которым, по мнению Е. Норберг-Шульц, возникла Ренессансная архитектура, нельзя охарактеризовать как монотонный (например, космический ландшафт пустыни), но он и не так разнообразен как северные ландшафты. Простая и понятная композиция демонстрирует чистое разделение элементов, результатом которого является «сильный и равномерно распределенный свет, и прозрачный воздух, который придает формам высшее и скульптурное присутствие» [6, р. 45]. Между небом и землей соблюден баланс. «Здесь индивидуальность не поглощена абстрактной системой (пустыней), и не находит места для укрытия (северный ландшафт). Становится возможной подлинная “встреча”» [6, р. 46]. Равновесие во взаимодействии земли–неба подверглось рефлексии в греческих понятиях пропорции, умеренности и гармонии. Эти идеалы были в дальнейшем восприняты римской культурой и воплотились, в дальнейшем, в архитектуре Ренессанса.

К. Норберг-Шульц представляет свет в качестве главного фактора дифференциации форм в символическом ландшафте. «Северный свет создает пространственное настроения, посредством изменяющихся нюансов, неутомимых сил, даже когда свет пропадает или прячется за облаками» [7, р. 2]. Настроение юга стабильно как солнечный свет «пронизывает пространство и окружает все вещи». «Экстенсивность южного пространства: солнце пронизывает и делает однородным все, оно ограничено только горизонтом и небесным сводом» [7, р. 3]. Купаясь в лучах южного солнца, каждая вещь получает полное присутствие, ясность и прозрачность. В неземном, рассеянном полусвете севера вещи теряют свою идентичность – их телесность раство-

ряется. Земля в северном ландшафте не-обозрима, непроницаема, но безгранична. Пространство – «это проем, который люди создают в необозримости» [7, р. 9].

Описывая романтическую (северную) архитектуру, К. Норберг-Шульц утверждает, что она «отличается множественностью и вариативностью» [6, р. 45]. Она не проста для понимания в понятиях разума, и ее атмосфера таинственна, фантастична, интимна и идилична. Ее формы возникают органично. Северная архитектура избегает объемов, и ее характер связан с прозрачностью структуры, в «которой линия становится символом силы и динамизма» [6, р. 69]. «В Норвегии, в конце концов, северный характер обретает кульминацию в романтической структуре ставкирки, и в лофте, и в белых домах, которые конкретизируются в северной летней ночи.... До этого дома были темными, отражая тайну зимнего неба, которое также было светом интерьера ставкирок. В ставкирках создавалось впечатление “темного света”» [6, р. 70]. Северному гешталту не хватает качества «округлости», в южном недостает «цельности» – фронтоны и шпили вместо аркад и куполов. Фронтоны и шпили по сути антиклассичны. Шпили заимствуют свои формы у леса. Акцентирование внимания на вертикали выражается в том, что «каркас является матрицей северного величия, также как массивные стены – южного. Проем, тем временем, становится отделением... но не дырой» [5, р. 170]. Строящиеся формы поднимаются как будто растущие из земли растения, а деревья «вырастают» из их крыш. Речь идет о готической системе, в которой «массивность» становится нематериальной посредством вертикальных линий и прозрачных стен (огромные витражи).

В архитектуре флорентийского Ренессанса, «мы находим желание придать строениям индивидуальную пластичность и антропоморфные характеристики в комбинации с простой и понятной конструкцией» [6, р. 18–19]. В своей работе «Десять книг о зодчестве» теоретик искусства Возрождения Леона Баттиста Альберти начинает свои рассуждения с фигуры круга и базирующийся на нем геометрических конструкций площади и полигона. Он завершает свою книгу описанием девяти базовых геометрических фигур, используемых в храмовой архитектуре. Пропорции один к двум, два к трем, три к четырем (как интервалы в музыке) обеспечивают гармоничные пропорции в архитектуре. Эта простая ясная форма и пропорции про-

должает «разумную конструкцию». Антропоморфный характер берет свое начало из идеи, что человеческое тело преобразуется в «наиболее идеальные геометрические фигуры, круг и площадь» [6, р. 76]. Таким образом, Ренессанс подчеркивает значение пропорций человека и его разумной геометрии. В результате эти характеристики, рассматриваемые как универсальные, воплощаются в южной природе. Абстрактное геометрическое совершенство классического стиля архитектуры позже было воспринято северными регионами, особенно в период господства неоклассицизма. Необходимо отметить также, что неоклассицизм соответствовал идеологии Просвещения, которая, в свою очередь, служила идее универсальной причины.

Многие исследователи сегодня рассматривают ландшафт в качестве текста, системы значений, состоящей из нескольких слов, проецирующих множество смыслов и открытой для различных интерпретаций. Однако, возникает закономерный вопрос, существуют ли достаточные основания, для того, чтобы осмыслить ландшафт как символический [9, р. 698–702]? Подобное стремление направляет внимание исследователей на отличительные и выразительные элементы ландшафта. Традиционно, например, культурные географы делают акцент на своих работах на ландшафтную иконографию [2, р. 43–82]. Подобное визуальное суждение может привести к проблемам в исследовании ландшафта, а точнее к анализу характерных мест, необычных памятников и различных образцов архитектурного искусства. Таким образом, возникает риск пренебречь «народными», «обычными» ландшафтами, что является прямым последствием рассмотрения их как текстов, не представляющих какой-либо ценности. Кроме того, «грамматика» и «синтаксис» в архитектуре значительным образом отличается от языка литературных текстов, фотографий, живописи. Ассоциируя символизм с наиболее выразительными элементами ландшафта, можно лишиться представления о его «целостном» характере, и о том, как различные смысловые уровни ландшафта перекрывают, усиливают и противоречат друг другу.

Другой недостаток семиотической модели интерпретации ландшафта заключается в том, как она представляет опыт. Культурные географы подчеркивают, насколько идентичность, как правило, отождествляется с уникальными расовыми, классовыми и гендерными особенностями,

формами прочтения ландшафта. Семиотика текста получила достаточно серьезное развитие, чего нельзя сказать о семиотике ландшафта, которая менее формально вплетена в «гобелен» повседневной жизни и испытывает влияние социальных норм, гендерных ролей и профессиональных задач. Для тех, кто населяет знакомую среду, память и привычки оказывают значимое влияние на прочтение культурного ландшафта. Исследователи культурного ландшафта с позиции семиотического подхода должны учитывать разнообразные, пересекающиеся и потенциально противоречивые манеры «прочтения» окружающей среды с точки зрения различного опыта, которым обладает «читатель», и понимать, как эти элементы могут взаимодействовать между собой.

Наконец, еще одним недостатком семиотической модели является непосредственная связь между смыслом и идеологией. Здравый смысл подсказывает, что социальный, религиозный и политический дискурс формируют наше прочтение ландшафта. Мало кто может оспорить роль и значение культуры в определении физических стимулов, исходящих от ландшафта, но нельзя сводить значение ландшафта до одного аффективного поля, не обращая внимание на то, что он играет множество ролей в качестве «центра смысла, локуса эмоциональной привязанности и ситуации для поддержания жизнедеятельности» [1, р. 278]. Необходимо также воздерживаться от экспликации трансцендентных идеологических сообщений из ландшафта, учитывая, что в архитектуре интенции проявляются в течение значительного периода времени, внутри существующей среды, через сеть институтов, и направлены на множество вариантов использования и пользователей. В результате ландшафтный символизм обладает сложностью и практически полным отсутствием поверхностных смыслов и значений. Символы ландшафта настолько туманны и расплывчаты, что степень того, что они символизируют часто очень низка.

В противовес семиотическому подходу феноменология предлагает альтернативную модель того, как люди обитают в среде. С точки зрения экзистенциальной перспективы, в семиотической модели визуальное превалирует над тактильным, мышление – над привычными действиями, эпизод – над накопленным опытом. Подобная позиция связана с картезианским *cogitosum*: глаз как шлюз для сознания, сила разума, господствующая над те-

46 лом, эмоциями и мышление как путь для трансцендирования социальной множественности. Эти идеи Просвещения переоценивают «сконструированность» ландшафта в противовес его «заданности». Феноменологический подход подчеркивает двойственную реальность человеческого существования. Таким образом, ландшафтный опыт проистекает не только из зрения, но и от привычек и памяти. Данный опыт построен не только на основе идей, но и благодаря социальным ролям и ритуалам, обусловлен не только сознательными желаниями, но и предшествующим впечатлением, полученным от этих мест. Пейзаж состоит не только из символов, но также из материальных поверхностей, ограниченных мест, полей действия, сети районов и локализованных практик, которые связывают обитателей с миром.

Таким образом, анализируя особенности символического подхода к исследованию культурного ландшафта города, необходимо подчеркнуть, что, не смотря на достаточно глубокие традиции, данный подход обладает рядом существенных недостатков, которые необходимо учитывать при его использовании в процессе изучения любого культурного ландшафта, в том числе и ландшафта города. Исследователю нужно помнить, что ландшафт представляет собой сложную символическую систему, в которой переплетаются различные смысловые значения, необходимо учитывать опыт прочтения этого ландшафта тем, кто в нем обитает, а также следует обращать внимание не только на выразительные особенности культурного ландшафта, но и на его обычные, повседневные черты.

Список литературы:

- [1] Buttimer A. Grasping the Dynamism of the Lifeworld // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1976. – P. 277–292.
- [2] Daniels S., Cosgrove D. Introduction: Iconography and Landscape // *The Iconography of Landscape*. – Cambridge: Cambridge University Press. 1988. – P. 43–82.
- [3] Drexler D. Landscape Perceptions – The Symbolic Meaning of Landscape and Its Role in Mental Well-being. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.openspace.eca.ac.uk/conferenceproceeding/summary/Drexler.htm
- [4] Hodder I. Economic and Social Stress and Material Patterning // *American Antiquity*. – 1979, vol. 44. – P. 446–454.
- [5] Norberg-Schulz C. *Architecture: Presence, Language and Place*. – Milan: Skira, 2000. – 372 p.
- [6] Norberg-Schulz C. *Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture*. – New York: Rizzoli, 1980. – 216 p.
- [7] Norberg-Schulz C. *Nightlands: Nordic Building*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – 224 p.
- [8] Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and Cultural landscape // *Annals of the Association of American Geographers*. V. 7. – 1980, Issue 4. – P. 459–474.
- [9] Schatzki T.R. Subject, Body, Place // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 91. – 2001, № 4. – P. 698–702.